

УДК 316:165

Н.А. Иванова

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ: АГЕНТ-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД И «ПОВОРОТ К МАТЕРИАЛЬНОМУ»

Рассматривается ключевое для современной социальной эпистемологии понятие «социальное». Делается вывод о том, что предложенные современной социальной наукой трактовки социального в рамках агент-структурного подхода и поворота к материальному являются эвристически ценными для философского анализа современной науки. Агент-структурный подход позволяет осуществлять анализ науки как практики, в которой коммуникативные и институциональные аспекты образуют взаимосвязанное единство. Интерес к материальному измерению, характерный для современных социальных исследований науки и технологии, предоставляет концептуальные и методологические ресурсы для изучения современного состояния науки, которое все чаще описывают с помощью неологизма «технонаука», понимаемого не столько как синтез прикладных и фундаментальных исследований, сколько как единство когнитивного и материального, интеллектуального и технического.

Ключевые слова: наука, социальная эпистемология, социальность, агент-структурная интеграция, поворот к материальному.

Философская рефлексия в отношении изучения социального измерения науки демонстрирует два основных подхода. Первый характеризуется идеалом «чистого» знания, свободного от любых «внеэпистемологических» влияний. Второй, признавая субъективные основания познания, настаивает на социокультурной обусловленности всех типов знания, включая научное. Признание того, что адекватное постижение любой формы мышления невозможно без выявления его социокультурных оснований, составляет основную интенцию современной социальной эпистемологии. При этом концептуализация «социального», «культурного» и «когнитивного» в настоящее время остается одной из самых сложных и актуальных задач данного направления. В общем виде трактовки «социального», востребованные социальной эпистемологией, можно разделить на те, которые в рамках традиционного подхода отождествляют социальное либо с многообразием форм взаимодействия людей, либо с широким социальным фоном (структурами, институтами). В результате исследования сосредоточиваются на изучении институционального или коммуникационного аспектов науки. «Новые» же тенденции, во-первых, демонстрируют желание понять науку не как готовый продукт (систему знаний или социальный институт), а как реальный процесс научной практики, где понятие «социальное» указывает на коллективный процесс сложной координации и мобилизации усилий, навыков и умений, необходимых для получения надежного результата. Во-вторых, характеризуются критикой традиционных оппозиций субъективного-объективного, индивидуального-коллективного, внешнего-внутреннего, идеального-материального. И как

частный случай предлагается пересмотреть роль телесности и вещиности, которые в современных исследованиях выступают участниками социального взаимодействия.

Предметом данного исследования выступают такие версии «новых» тенденций в трактовке «социального» и их последствия для социальной эпистемологии, как агент-структурный подход и «поворот к материальному». Первый связан с вопросом поиска оснований при объяснении социальной реальности: следует ли искать подобное основание в сознании и воле субъекта или необходимо отталкиваться от структурных отношений, а действия субъекта могут быть вынесены за скобки? И исходит из того, что в настоящее время на повестке дня социальной теории стоит задача интеграции действия и структур, разрыв между которыми был ахиллесовой пятой общественной науки [1. С. 101]. «Поворот к материальному» представляет собой особое дискуссионное пространство исследований науки и техники, в котором ставится вопрос о материальности социального мира [2. С. 7].

Агент-структурная интеграция в современной западной социальной науке представлена в работах Э. Гидденса, П. Бурдьё и Ю. Хабермаса. Истоки же данного подхода принято связывать с работами Н. Элиаса, переоткрытыми во второй половине XX века. Основную задачу своих исследований Н. Элиас видит в преодолении оппозиции между обществом и индивидом и исходит из убеждения в генеалогии всех общественных состояний. Избежать противостояния между обществом и индивидом призвано понятие «фигурации», которое, являясь понятийным инструментом, призвано решить задачу преодоления исторически и социально обусловленной поляризации образа человека как индивида, с одной стороны, и человека как общества, с другой. Фигурации могут быть применены как к большим, так и к малым группам. При таком подходе знание есть результат взаимообусловленного процесса общественной и индивидуальной жизни. Утверждая вслед за К. Мангеймом автономию естественнонаучного знания, возможность рассматривать их вне ссылок на исторический контекст, Н. Элиас настаивает на социальном генезисе социально-гуманитарных понятий, таких как «культура» и «цивилизация». На примере понятия «цивилизация» он показывает, как, описывая различные факты, оно одновременно выражает национальное самосознание. Сегодня общеизвестно это национальное различие использования понятия «цивилизация». В английской и французской традициях оно подразумевает идею прогресса западного мира, а его употребление в немецком языке отсылает к ценностям второго порядка, отражающим внешнюю сторону человеческого существования. Это различие, по мнению Н. Элиаса, труднообъяснимо для тех, кто не принадлежит к данным типам общества, так как, подобно другим понятиям, их содержание раскрывается в совместном опыте переживания, отражая историю группы. Одновременно генезис понятий связан с опытом отдельного индивида, который на основе наличного словесного ресурса наполняет их новыми смыслами, которые получают широкое распространение, потому что становятся инструментами, выражающими общий опыт. Использование метафоры «игры» позволяет подчеркнуть взаимозависимость участников фигурации, которые являются одновременно и союзниками, и противниками. Основным же остается традиционный для социальной теории вопрос:

что объединяет людей в фигурации? [3. С. 65] Н. Элиас утверждает, что ответ может быть получен на путях исторической методологии. Вывод о том, что процесс цивилизации есть результат давления, контроля и запрета (принуждения и самопринуждения), сегодня считается слабым местом концепции Н. Элиаса, так как означает отрицание свободы и возможности самореализации. Однако в настоящее время вопрос о свободе и принуждении (ограничениях) является одним из самых актуальных в свете идеи «трансгуманизма», сторонники которой настаивают на положительном эффекте разработок, связанных с изменениями человеческой природы, в то время как их критики указывают на негативные последствия подобного вторжения.

Вопрос о взаимосвязи структуры и действия является главным в теории Э. Гидденса наряду с интересом к вопросам пространства и времени. Будучи учеником Н. Элиаса, Э. Гидденс настаивает на «дуальности» структуры и действия, означающей, что субъекты вовлечены в структуры, а структура представлена в субъекте. Другими словами, социальные структуры, которые принуждают и дают возможность действовать, одновременно сами являются результатом постоянной модификации в процессе практики агентов и предметом их рефлексивного анализа. В работе «Устроение общества: Очерки теории структуриации» Э. Гидденс раскрывает понятие «дуальность структуры» посредством категорий «структура», «система» и «структуриация» следующим образом: «Структура, как регулярно воспроизводящиеся «наборы» правил и ресурсов, существует вне времени и пространства, проявляется в памяти индивидов в виде «отпечатков» социальной практики и отличается «отсутствием субъекта». Социальные системы, обладающие структуральными свойствами, напротив, существуют в виде воспроизводимых в пространстве и времени ситуативных действий субъектов деятельности. Анализ структуриации социальных систем предполагает изучение способов производства и воспроизводства этих систем – основывающихся на осмысленных действиях акторов, занимающих по отношению друг к другу определенные позиции и использующих правила и ресурсы в разнообразных контекстах деятельности – в процессе взаимодействия» [4. С. 69–70]. В соответствии с идеей «дуальности» структуры и действия неразрывно переплетены в практиках, которые следует понимать рекурсивно, т.е. действия не порождаются сознанием и не создаются социальными структурами, а сознание и структуры создаются через практики. Э. Гидденс утверждает, что социальные институты могут быть адекватно осмыслены при условии понимания того, как различные формы деятельности осуществляются в пространстве и времени, что требует от социальной науки пересмотра дисциплинарных границ, которые отделяют ее от географии и истории. И на этом основании критикует традиционный разрыв между историей и социальной теорией, где задача первой – осуществлять анализ событий в определенном пространственно-временном диапазоне, деятельность второй связана с обобщениями вне пространства и времени. Подобное разделение есть результат разделения труда внутри интеллектуальной традиции и не имеет логического и методологического противостояния.

Значимым для современной социальной эпистемологии аспектом в теории Э. Гидденса являются понятия «дискурсивное» и «практическое сознание». «Дискурсивное сознание» отсылает к осведомленности субъектов о со-

циальных условиях собственных действий, представленной в вербальных выражениях. Оригинальное понятие «практическое сознание» направлено на обозначение компетентности субъектов относительно условий своей деятельности, не представленной в дискурсивной форме, и потому отсылающее к понятию «рутина». Эти две формы компетентности приводят Э. Гидденса к выводу о гибком характере отношений между научным и обыденным познанием, теорией и практикой. Конечно, отличие существует, но оно неизбежно оказывается подвижным. Данное обстоятельство важно, во-первых, в связи с признанием фонового характера научного знания, обозначенного в работах М. Полани понятием «неявное знание». Во-вторых, оно указывает на связь научных теорий с их практическим основанием. Это не означает, что любители и специалисты используют тождественные критерии анализа. Однако можно говорить о взаимосвязи критериев «правдоподобие» и «достоверность», которыми оперируют субъекты в повседневных и специализированных практиках. Теория Э. Гидденса содержит идею непреднамеренных последствий, которые становятся возможными в силу того, что преднамеренное последствие располагается в более широком контексте, свойства которого выходят за рамки компетенции и контроля отдельного субъекта. Непреднамеренным по своим последствиям, видимо, будет являться использование логики «экономической эффективности», лежащей в основе менеджерских решений в сфере российского высшего образования и науки.

Согласно теории практики П. Бурдьё, предметы познания не пассивно отражаются (позиция позитивистского материализма), а конструируются, но не произвольным образом, как утверждает интеллектуалистский идеализм. Основой структурирования является принцип, представленный системой «структурированных и структурирующихся диспозиций, формирующихся в практике и постоянно направленных на практические функции» [5. С. 100]. Другими словами, теория П. Бурдьё есть попытка ответить на ключевой для социальной эпистемологии вопрос о том, как соотносятся между собой ментальные и социальные структуры. Констатируя диалектическую связь между действием и структурой, П. Бурдьё описывает ее с помощью понятий «габитус» и «поле». Под габитусом понимаются персонифицированные социальные структуры, продукты интериоризации социального мира. Понятие «поле» трактуется не структурно, а реляционно как отношение между объективными позициями, существующими независимо от индивидуальной воли и сознания. Проявлением диалектического единства поля и габитуса как раз и является практика. Поле есть критический посредник между практикой акторов и окружающими социальными и экономическими условиями. Отвечая на вопрос о движущих силах функционирования и трансформации поля, П. Бурдьё полагает, что принцип динамики поля заключается в его структуре, в частности, в дистанциях, зазорах, асимметрии между различными специфическими силами, противостоящими друг другу. Бурдьё отрицает существование трансторических законов отношений между полями, и отсюда следует необходимость исследовать каждый исторический случай отдельно [6. С. 109]. Эмпирическое же изучение социальных полей открывает, с одной стороны, специфические особенности присущие определенному полю, с другой – позволяет выявить общие правила. К последним П. Бурдьё относит на-

личие специфической формы интереса, который объединяет тех, кто существует в данном поле, а также наличие определенных ставок. Для функционирования любого поля необходимы субъекты, которые обладают соответствующим полем габитусом, содержащим в себе знание и признание правил игры в данном поле. Поле – это пространство потенциальных и активных сил, направленных на сохранение или преобразование конфигурации полей, т.е. это место борьбы, в котором агенты, занимающие разные позиции, реализуют различные стратегии.

В отношении науки П. Бурдье исходит из того, что истинность науки обусловлена особыми социальными условиями производства: определенным состоянием структуры и функционирования научного поля [7]. Специфической ставкой (или интересом) в поле науки является научный авторитет (монополия на научную компетентность как легитимное право говорить и действовать от лица науки). Идее «царства общих целей», характеризующей научное сообщество, П. Бурдье противопоставляет идею борьбы. Примером могут служить непрекращающиеся эпистемологические дискуссии о природе научного открытия (открытие нового феномена в форме эмпирической аномалии или его теоретическая интерпретация), с одной стороны, и противостояние двух принципов научных практик (экспериментальной и теоретической), с другой. В общем виде это означает, что в поле науки не существует абсолютной легитимирующей инстанции, обеспечивающей легитимацию, так как «судья» всегда одновременно выступает в роли «ответчика». Что ставит под сомнение идеи объективности и беспристрастности, незаинтересованности и дистанцированности в отношении критериев оценки и условий производства научного знания. Однако идея структурирующих структур не позволяет трактовать научное знание в духе крайнего релятивизма. В целом к особым социальным условиям производства научных истин П. Бурдье относит требования автономии поля науки от других социальных полей, высокую «цену» за вход (требование освоения накопленных ресурсов), а также объективное согласование практических схем.

Являясь крупнейшим социальным теоретиком современности, немецкий мыслитель Ю. Хабермас вопрос об отношении структуры и действия рассматривает в рамках теории «колонизации жизненного мира», где действия представляют «жизненный мир», а «колонизация» осуществляется структурами при условии, что и то, и другое есть стороны одной медали – социального мира. Причины современного кризиса он усматривает во вторжении императивов экономического роста и государственных структур «во внутренние коммуникативные структуры исторических жизненных миров» [8. С. 41]. В отличие от критиков современности, скептически настроенных в отношении ее освободительного потенциала, Хабермас выявляет возможности современности, усматривая их в расширении процесса рационализации. Модерным, согласно воззрениям Хабермаса, можно считать все то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени. Он выделяет две формы рационализации. Одна характерна для социальных систем и проявляется в усложнении и дифференциации экономических и административных структур. Рационализация же практик повседневной жизни характеризуется расширением возможностей открытой и сво-

бодной коммуникации. Различение коммуникативного действия и дискурса позволяет обнаружить скрытый мир коммуникативной деятельности путем такой формы общения, которая продиктована желанием совместного поиска истины. Дискурс в своей идеальной форме путем аргументации и доказательства позволяет достичь цели коммуникации – истины, понимаемой как совместная выработка видения и решения проблем. Другими словами, ориентированное на взаимопонимание действие обладает рациональной структурой, включающей в себя язык как «механизм координации действий и достижения согласия, основывающегося на intersубъективном признании и притязаний на значимость» [9. С. 3]. Приложение идей Хабермаса к анализу науки означает признание бюрократического и экономического давления в отношении научной деятельности, с одной стороны, и необходимости открытого и свободного обсуждения внутренних и внешних аспектов науки – с другой.

Частным случаем проблемы взаимосвязи объективного и субъективного является вопрос об отношении знания и интереса, поднятый в работах раннего периода творчества Ю. Хабермаса, где уровень знаний носит объективный характер, а интересы являются феноменом субъективным. Так как диалектическая взаимосвязь знания и интересов носит неявный характер, задача исследователя их вскрыть. Ю. Хабермас выделил три типа интереса. Первый представлен классическими позитивными науками и обусловлен интересом технического контроля и предсказания. Второй представлен гуманитарными науками, вызванными интересом взаимопонимания и понимания самого себя. Понимание современности возможно посредством изучения прошлого. Третий тип знания (критическая теория) инициирован интересом эмансипационным, способствующим процессу рационализации. Позиции Ю. Хабермаса близка идея «открытой рациональности», разрабатываемая отечественной эпистемологией и философией науки, где она описывается как установка на критическую рефлексию оснований собственной познавательной деятельности субъекта, инициирующая свободное и ответственное отношение к миру в целом [10]. Другими словами, практический характер научной теории выражается в ее перформативном характере. Однако связь между знанием и реальностью не носит произвольного и однозначно каузального характера. Такая связь представляет собой, по версии Ю. Хабермаса, результат демократического развития современного общества, в котором двоякому отношению субъекта к объекту (когнитивно-инструментальному) противопоставляется установка на рациональную дискуссию важных для общества решений в экономической и политической сферах. На необходимости широкой общественной социально-гуманитарной экспертизы в отношении развития науки и технологии настаивает в своих работах В. Г. Горохов. В частности, он пишет, что в рамках новой парадигмы научно-технического развития современные наука и техника обязаны учитывать мнения и деятельность свободных общественных индивидов, включенных в сферу исследования и проектирования уже на стадии предварительной оценки последствий научных и инженерных технологий [11. С. 73–74].

Сравнительный анализ позиций представителей агент-структурной интеграции позволяет обнаружить как общие, так и различные моменты. Различие проявляется, во-первых, в трактовке агента, под которым понимается как ин-

дивидуальный, так и коллективный субъект, а иногда и то и другое. Во-вторых, интерпретация понятия «структура», которая отождествляется либо с организациями, либо с отношениями. Различными являются основания концептуальных построений: либо обращением к функционализму и структурализму, либо к теории систем. Общим же является неприятие традиционной оппозиции структуры и действия и использование понятия «практика», предназначенного объединить материальные и идеальные, субъективные и объективные, индивидуальные и коллективные аспекты социальной реальности. Общим является требование концептуального и эмпирического обоснования. Последнее отвечает позиции крупнейшего представителя отечественной социальной эпистемологии И.Т. Касавина, который к методологической специфике социальной эпистемологии относит междисциплинарность, понимаемую как использование концептуальных подходов (системного, эволюционного, информационного и др.) и данных эмпирических исследований (когнитивных, антропологических, лингвистических и др.), результаты которых подлежат критической рефлексии [12]. В качестве промежуточного итога следует сказать, что идеи Э. Гидденса, П. Бурдьё и Ю. Хабермаса как в аспекте критики, так и в качестве теоретических и методологических оснований в настоящее время вдохновляют многих исследователей науки и технологии.

К новым формам концептуализации «социального» в духе «поворота к материальному» следует отнести исследования в области социологии науки и технологии, осуществляемые Б. Латуром, К. Кнорр-Цетинной, Э. Пикеринг, а также работы ряда отечественных авторов. Особенностью данного подхода является нежелание следовать картезианскому дуализму, с одной стороны, и принципу замещения материального «символическим» – с другой.

Анализ понятия «социальное» в рамках акторно-сетевой теории осуществляет французский исследователь Б. Латур. В статье «Об интерсубъективности», подводя итоги своего сотрудничества с М. Каллоном и интереса к социобиологии, Б. Латур делает вывод, что первоначальные опасения, связанные с расширением понятия социального и его редукции к биологическому, оказались напрасными – маятник качнулся в сторону политической философии. Однако именно в связи с положениями социобиологии социальная теория должна переопределить понятие «социальное» в отношении его использования применительно к человеку, поскольку допускается социальный характер животного мира. Б. Латур предлагает различать комплексную социальность и сложную. Первая существовала до появления человека и чаще всего отождествляется с цепочками взаимодействий, предполагающих акторов, их физическое присутствие и действия в отношении друг друга. Другими словами, это ситуация лицом-к-лицу, описанная интеракционизмом, и потому, по мнению Б. Латура, социальная жизнь приматов есть «рай для этнометодологов», игнорирующих, как известно, социальные структуры. Однако и адепты социальных структур также не правы, поскольку, апеллируя к структурному эффекту, они не учитывают посредника, обеспечивающего преодоление разрыва между индивидуальными взаимодействиями и структурами, индивидом и обществом. Зазор присущ и попыткам агент-структурной интеграции, описанным выше. Эта соположенность структур и взаимодействий может быть преодолена путем обращения к посредникам – совокупности

инструментов и орудий, программ и расчетов, сводок и обзоров, кассовых окошек и дверей. Сложная форма социальности, характерная для сообщества людей, предполагает «присутствие дискретных переменных, которые могут быть исследованы одна за другой и сложены друг в друга на манер черного ящика» [13. С. 180]. Позицию Б. Латура можно было бы квалифицировать как возвращение к марксистской концепции с ее идеей трудовой деятельности человека, однако этому препятствует неинструментальная трактовка понятия объекта, его несводимость к орудиям труда. Трактовка понятия «объект», предложенная Латуром, не отождествляет их ни с инструментами, ни с «символическим», ни с инфраструктурой. Положительные коннотации «объекта» оказываются расплывчатыми, скорее речь идет об отказе от традиционного языка гуманитарных наук и попытках введения новых категорий – таких как «квазиобъекты», «гибриды», «сети», «посредники», «вещи».

В работе «Пересобирая социальное» Латур выделяет два подхода в трактовке «социального». Первый основывается на идее дифференциации реальности, с одной стороны, и сужении значения смысла социального, с другой, и постулирует существование социального как особой сферы, отличной от других, ограничивая ее взаимодействиями индивидов общества модерна. Согласно данному подходу, наука обладает собственной логикой развития, которая может ограничиваться социальным контекстом, так как отношения между социальными и несоциальными явлениями могут быть описаны как отношения детерминации, т.е. как причинно-следственные связи. Второй подход ставит под сомнение исходное положение социального субстанционализма, отрицая представление о социальном как стабилизированном состоянии, материале или символической репрезентации, делает акцент на процессе ассоциации гетерогенных элементов. Это означает, что эпистемологическое измерение науки не следует ограничивать от социального контекста, который «по умолчанию» встроен в тело науки, так как ее объекты представляют собой ансамбль множества разнородных связей. Отсюда следует, что объективность – не свойство науки, а процесс установления или восстановления новых отношений. И если первый подход исходит из существования объективного, то второй ставит задачу выявить условия его возможности. Наиболее наглядным примером второго подхода является акторно-сетевая теория, которую, согласно Б. Латуре, характеризуют три показателя. Во-первых, роль объектов как участников (агентов) процесса строительства, а не их натуралистическая или символическая интерпретации. Во-вторых, трактовка социального не как сложившегося положения, а как процесс стабилизации разногласий. И, наконец, в-третьих, отказ от методологии деконструкции и ориентация на выявление того, «какие новые институции, процедуры и концепты могут собрать и воссоединить социальное» [14].

Пересмотреть понятие «социальное» и тем самым изменить ракурс исследования науки и технологий предлагает К. Кнопп-Цетина – профессор антропологии и социологии Чикагского университета. Анализируя проект «общества знания», она предлагает вместо традиционного подхода, делающего акцент на «знании», сконцентрироваться на «обществе», которое в настоящее время существует не вне процесса познания, а внутри его. К. Кнопп-Цетина утверждает, что «в постсоциальном обществе знания, взаимоисключающие

определения процессов познания и социальных процессов, теоретически оказываются неадекватными» [15. С. 278]. И ставит задачу очистить идею «социальности» от ее «одержимости человеческими коллективами». С этой целью она подвергает критике понимание социальности, сложившееся в социальной науке, и предлагает идею «объект-центричной социальности». В современных обществах опыту индивидуализации и сокращению традиционных форм социальности противостоит экспансия новых практик, в которых привычное социальное переплетается с новыми формами, которые опосредуются и управляются объектами. Отвечая на вопрос, «что представляют собой эти объекты?», К. Кнорр-Цетина, во-первых, подвергает критике подходы, определяющие объекты как товары или инструменты, т.е. нечто устойчивое и определенное. Во-вторых, ссылаясь на экспертные культуры, утверждает, что объекты знания характеризуются открытостью, сложностью и проблематичностью. В-третьих, научные объекты представляют собой процессы и проекты, то есть их решающей характеристикой является незавершенность. И наконец, объекты существуют в разнообразных формах (тексты, вещества, демонстрационные материалы, пробные образцы, приборы и т.п.). Это позволяет отнести К. Кнорр-Цетину к представителям поворота к материальному, понимаемого как направления исследований, занимающихся проблематикой материальных объектов в современном мире. Новая форма социальности предполагает, что субъект определяется посредством объекта, а последний определяется через субъект. Объект-центричная социальность может быть описана посредством понятия «солидарность», природа и механизм которого подлежат изучению, но уже сегодня можно сказать, что ее неотъемлемой характеристикой являются моральные, эмоциональные и либидозные чувства.

Являясь представителем такого направления, как социальные исследования науки и технологии, К. Кнорр-Цетина отмечает, что исходно оно концентрировалось на изучении естественных наук, так как эти науки представлялись более сложными объектами для изучения в рамках исходного тезиса об их социальной детерминации. В отношении наук социальных подобный тезис воспринимался как само собой разумеющийся. Направление, которое К. Кнорр-Цетина развивает сегодня, следует назвать «эпистемологией информации» [16]. В отличие от концепта «знание», для которого важна проблема истинности, «информация» характеризуется скорее новизной и актуальностью. Основные проблемы данного направления представлены вопросами, созвучными социальной эпистемологии, так как, не ограничиваясь вопросами инфраструктуры информации, затрагивают ее содержание, а именно: что представляет собой внутренняя структура информации, как она используется? Тем самым при изучении экспертных культур аспект производства дополняется изучением процессов потребления знания. Что же касается роли материальной инфраструктуры, то в настоящее время К. Кнорр-Цетину интересуют «скопческие системы» (scope systems), которые играют важную роль в медицине, финансовой и военной сферах, мире спорта и др. Таким образом, в очередной раз подчеркивается, что понимание социальных ситуаций, традиционно описываемых в категориях интеракции людей, не соответствует действительности, и потому должно описываться в терминах, учитывающих присутствие экранов. Подобная экспансия объект-центричной среды приво-

дит к тому, что во взаимодействиях объекты замещают людей, опосредуют интеракции и формируют зависимости. Конечно, подобные формы социальности существовали и раньше, но в постсовременном мире они получают широкое распространение и в силу этого должны учитываться при новых трактовках социального.

Взгляд на науку сквозь призму взаимодействия человеческой и материальной деятельности, связанной диалектическим отношением противодействия и приспособления, развивает Э. Пикеринг. Беря за основу идею «времени», он показывает научную практику как темпорально эмерджентный процесс, в котором ведущая роль принадлежит объектам материального мира, игнорируемым традиционной социальной теорией [17]. Позиции, когда от имени вещей могут говорить только люди науки, а социально-гуманитарные науки исследуют их символический аспект, Э. Пикеринг противопоставляет исследования, показывающие, как в процессе реального научного поиска в поле экспериментальной физики элементарных частиц 60–70-х гг. XX века осуществлялось сооружение одного из основных инструментов – пузырьковой камеры. Этот процесс не может быть описан исключительно в терминах человеческой деятельности, а требует обращения к свойствам данного детекторного устройства. Ставя вопрос о движущих причинах темпоральной эмерджентности, присущей научной практике, Э. Пикеринг обращается к сложившимся в социальной науке подходам, где один характеризует человеческую деятельность путем апелляции к понятию «интересы», другой обращается к идее «принуждения». Однако и в том, и в другом случае демонстрируется человекоцентричный характер построений. Описывая научную деятельность с помощью понятий «противодействия», «приспособления» и «интенциональности», Э. Пикеринг тем самым признает правомерность указанных человекоцентричных схем и одновременно указывает на принципиальное отличие своей позиции. Во-первых, критике подвергается идея локализации принуждения внутри человеческой сферы в форме познавательных или социальных норм. Во-вторых, показывается, что существующие трактовки принуждения не носят эмерджентного характера, так как отождествляются, как правило, с «железной клеткой». Принуждение, о котором пишет Э. Пикеринг, не обладает подобными качествами, в силу того, что, во-первых, диалектика противодействия и приспособления имеет место в области пересечения материальной и человеческой деятельности; во-вторых, контуры этой совместной активности заранее никогда неизвестны.

На исследование способов интеграции вещей в коллективные связи направлены работы профессора Высшей школы социальных наук (Париж) Л. Тевено, который стремится уйти, с одной стороны, от традиционного подхода социальных наук (для которого характерно сведение знания к «социальным представлениям»), с другой – от постмодернистской установки трактовать знание как нарративность. Он отмечает, что углубленному изучению отношений между предметами и людьми способствовали исследования науки и техники, представленные работами Б. Латура и М. Каллона, которые сосредоточены не столько на интеракциях субъектов, сколько на сетях, в которых активными участниками выступают не только люди, но и технические объекты или гибриды. Эти исследования, акцентирующие внимание на способах

обращения с объектами, которые совместно с людьми вовлечены в коллективные формы, могут существенно изменить ракурс изучения социального измерения науки. Что касается самого Л. Тевено, то специфику своего подхода он определяет как признание множественности и плюрализма социального мира. «Вместо того, чтобы закреплять за человеком устойчивую социальную идентичность или габитус, мы стараемся рассмотреть целостность человека не как зафиксированную данность, а как проблематичное интегрирование множественных и разноуровневых форм вовлеченности в мир» [18. С. 34]. Это предполагает преодоление традиционных противопоставлений частного и публичного, коллективного и индивидуального, сопряжение микро- и макроуровней анализа. Такие понятия, как «фреймы», «практики», «действия», представляются недостаточными. Сложная архитектура социальной жизни более адекватно раскрывается путем обращения к «режимам вовлеченности», характеризующим состояние людей и вещей, «вовлеченных» в прагматические испытания.

Обращение к материальному осуществляет О. В. Хархордин. Представитель теории практик, во-первых, критикует «легкость бытия», присущую современному конструктивизму, опираясь на теорию практик П. Бурдьё и его критических последователей (Л. Тевено и Л. Болтански), а также представителей актор-сетового подхода (Б. Латур, М. Каллон). Во-вторых, противопоставляет свою позицию традиционному экономическому и технологическому детерминизму, где вещи рассматриваются либо как инструмент, либо как товар. Осуществляемые О.В. Хархординым исследования концентрируются на выявлении инфраструктуры речевых актов, представленной не только телесным измерением, но и многочисленными материальными предметами. На примере анализа российских городов О. В. Хархордин показывает переплетение людей и вещей, социального и технического, взаимозависимость речевых актов и инфраструктуры [19], подтверждая тем самым позицию предыдущих авторов о том, что люди – не единственные агенты процесса конструирования реальности, они участники процесса строительства наряду с материальными вещами. Это означает, что множество вещей, являющихся частью ближайшего окружения и представляющихся как универсальные, на самом деле есть продукты определенных конкретно-исторических условий и сетей отношений.

Среди исследователей, представляющих отечественную философскую традицию и работающих в рамках социальной эпистемологии, новые подходы в анализе науки предлагают О.Е. Столярова и Л.А. Маркова. Интерес к материальной культуре в воззрениях О.Е. Столяровой связан с вопросом об условиях возможности научной теории. Анализируя марксистскую, прагматическую и постпозитивистскую традиции анализа науки, она приходит к выводу, что смысopорождающим контекстом научного познания выступают практики взаимодействия с вещами [20]. На примере технологических объектов идее автономии объектов науки от субъекта О.Е. Столярова противопоставляет идею диалектической связи научных объектов с их создателями, с одной стороны, и их обусловленность материальной практикой – с другой, что позволяет преодолеть представление о «подвешенности в воздухе» научных теорий. При этом указывается на два способа преодоления традици-

онного подхода. Во-первых, это ситуационные исследования, изучающие частные случаи научного поиска. Однако их недостатком является принципиальная эпизодичность, отказ от поиска общих оснований научной деятельности, но главное – сведение познавательных результатов к социокультурным условиям их производства. Второй способ состоит в проблематизации социокультурных условий, которые сводятся к индивидуальной и коллективной воле и интересам, забывая тем самым предметную сферу, выступающую основой формирования смыслов. И как следствие О.Е. Столярова настаивает на восстановлении равновесия между миром субъекта познания и миром вещей (микроскоп и телескоп, маятник и призма, колесо и винт), полагая, что концептуальный синтез возможен путем обращения к понятию «жизненный мир», интересубъективный характер которого обеспечивается практикой обращения с вещами.

На то, что современная социальная эпистемология направлена на выявление связи между условиями, при которых формируется знание, и самим знанием, указывает Л. А. Маркова. То, что в традиционном анализе науки рассматривается как автономные сферы (субъект научного познания, с одной стороны, и предмет исследования, с другой), современный анализ трактует как взаимозависимые аспекты. Подобное «смещение, подвижность, нечеткость обязательных для классики границ создает возможность формирования новой онтологии, нового понимания того, что такое бытие науки» [21. С. 46]. При этом основным становится вопрос о характере указанной взаимосвязи: является ли она следствием целенаправленного выбора или формируется случайным и произвольным образом? Представляется, что процесс, в котором предмет субъективируется, а субъект приобретает предметный характер, не является произвольным. Следовательно, необходимо обнаружение условий, при которых складывается это диалектическое единство.

В заключение следует ответить на вопрос: какие последствия для социальной эпистемологии влекут за собой рассмотренные выше «новые» трактовки «социального»? Во-первых, агент-структурный подход указывает на необходимость анализа науки как практики, в которой коммуникативные и институциональные аспекты образуют взаимосвязанное единство, так как одновременно выступают средством и результатом научной практики. Во-вторых, «поворот к материальному», который демонстрируют теория практик, а также социальные исследования науки и технологии, предоставляет концептуальные и методологические ресурсы для изучения современного состояния науки. Последнее все чаще маркируется неологизмом «технонаука», понимаемого не столько как синтез прикладных и фундаментальных (естественных и технических) исследований, сколько как единство когнитивного и материального, интеллектуального и технического.

Литература

1. *Рицлер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
2. *Вахштайн В.* Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 392 с.
3. *Элиас Н.* Понятие фигурации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 62–65.

4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
5. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Биктов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
6. Bourdieu P., Wacquant L.J.D. The Logic of Fields // An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1992. P. 94–114.
7. Бурдьё П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 15–56.
8. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.
9. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. № 3. С. 3–34.
10. Швырв В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
11. Горохов В.С. Размышления о концепции «постнеклассической науки» // Эпистемология & философия науки. 2013. № 2. С. 71–77.
12. Касавин И.Т. Социальная эпистемология, натуралистическая онтология и реализм // Эпистемология & философия науки. 2013. № 4. С. 90–103.
13. Латур Б. Об интересубъективности: Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 169–198.
14. Латур Б. Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию // Экономическая социология. 2013. Т. 14, № 2. С. 73–87. – URL: <http://www.ecsoc.hse.ru>, 20.12.2013 г.
15. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей: Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 267–277.
16. Интервью с Карин Кнорр-Цетиной // Экономическая социология. Т. 12, № 2. С. 8–20. – URL: <http://www.ecsoc.hse.ru>, 10.01.2014 г.
17. Pickering A. The Mangle of Practice: Agence and Emergence in the Sociology of Science // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 99, №. 3. P. 559–589. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2781283>, 13.10.2013 г.
18. Тевено Л. Прагматика познания // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 5–34.
19. Хархордин О.В. Куда идет теория практик: поворот в материальности // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 20–35.
20. Столярова О.Е. Исторический контекст науки: материальная культура и онтология // Эпистемология & философия науки. 2011. Т. XXX, № 4. С. 32–49.
21. Маркова Л.А. На пути к новой онтологии в философии науки // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 40–49.

Ivanova Natalja A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

NEW TENDENCIES IN A SOCIAL EPISTEMOLOGY: AGENT-STRUCTURAL APPROACH AND “TURN TO THE MATERIAL”

Key words: science, social epistemology, the social, agent-structure approach, turns to the material

Philosophical reflection concerning studying of social measurement of science shows two main approaches. The first one is characterized by an ideal of “pure” knowledge free from any “extra epistemological” influence. The second approach recognizing the subjective bases of knowledge insists on sociocultural conditionality of all types of knowledge including the scientific one. Recognition of the fact that adequate comprehension of any thinking is impossible without identification of its sociocultural bases. It makes the main intention of a modern social epistemology. Thus conceptualization of “the social”, “the culture” and “the cognitive” remains now one of the most complex and actual problems of this direction of investigation. Social epistemology traditionally comprises “social” factors as various forms of individual interaction and “social” factors as a wide social background (social structures, social institutions). As a result epistemological research concentrates on studying institutional or communicative aspects of the science. “New” tendencies firstly show the intention to understand science not as a ready-made product (system of knowledge, social institute or communication form) but as a real process of scientific practice where the concept “social” indicates collective process of difficult coordination and mobilization of efforts, skills and the abilities necessary for receiving a reliable

result. Secondly these tendencies are characterized by criticism of traditional oppositions subjective-objective, individual-collective, external-internal, ideal-material. The role of corporality and thingness considered to be equal participants of social interaction in modern investigations is suggested to be a special case. The problem of the research is to find a new interpretation of “the social” in agent-structure approach and “turn to the material” and to show that new interpretation is of great consequence for the development of the social epistemology. The first approach is connected with a problem of a search for the cause of such explanation of social reality: whether it is necessary to look for the similar basis in consciousness and will of subject or it is necessary to make a start from the structural relations. In this case actions of the subject can be ignored (put outside the brackets). The contemporary social theory turns to the agent-structure integration as the opposition between ‘agent’ and ‘structure’ has always been Achilles heel of the social science. “Turn to the material” represents same special debatable space of scientific research and technology in which the problem of materiality of the social world is raised. The author draws to the conclusion that the treatments offered by a modern social science “social” within the agent-structural approach and its turn to the material are heuristically valuable to the philosophical analysis of modern science. The agent-structural approach allows to carry out scientific analysis as practice in which communicative and institutional aspects form interconnected unity. Interest to material measurements characteristic of modern scientific research and technology provides conceptual and methodological resources for studying a current state of science which even more often is described by means of a neologism “Technoscience” understood not only as synthesis of applied and fundamental (natural-science and technical) researches but as unity of cognitive and material, intellectual and technical factors.

References

1. *Ricer Dzh.* Sovremennyye sociologicheskie teorii. 5-e izd. SPb.: Piter, 2002. 688 s.
2. *Vahstajin V.* Sociologiya veschej i «povorot k material'nomu» v social'noj teorii // Sociologiya veschej: Sbornik statej / pod red. V. Vahstajna. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya buduschego», 2006. 392 s.
3. *Elias N.* Ponyatie figuracii // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2000. T. 3, № 3. S. 62–65.
4. *Giddens E.* Ustroenie obschestva: Oчерki teorii strukturacii. M.: Akademicheskij Proekt, 2003. 528 s.
5. *Burd'e P.* Prakticheskij smysl / per. s fr.: A.T. Biktov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; otv. red. per. i poslesl. N.A. Shmatko. SPb.: Aletejya, 2001. 562 s.
6. *Bourdieu P., Wacquant L.J.D.* The Logic of Fields // An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1992. P. 94–114.
7. *Burd'e P.* Pole nauki // Sociologiya pod voprosom. Social'nye nauki v poststrukturalistskoj perspektive: Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj akademii nauk. M.: Praxis; Institut `eksperimental'noj sociologii, 2005. S. 15–56.
8. *Habermas Yu.* Modern - nezavershennyj proekt // Voprosy filosofii. 1992. № 4. S. 40–52.
9. *Habermas Yu.* Problematika ponimaniya smysla v social'nyh naukah // Sociologicheskoe obozrenie. 2008. № 3. S. 3–34.
10. *Shvyrev V.S.* Racional'nost' kak cennost' kul'tury. Tradiciya i sovremennost'. M.: Progress-Tradiciya, 2003. 176 s.
11. *Gorohov V.S.* Razmyshleniya o koncepcii «postneklassicheskoy nauki» // `Epistemologiya & filosofiya nauki. 2013. № 2. S. 71–77.
12. *Kasavin I.T.* Social'naya `epistemologiya, naturalisticheskaya ontologiya i realizm // `Epistemologiya & filosofiya nauki. 2013. № 4. S. 90–103.
13. *Latur B.* Ob intersub`ektivnosti: Sociologiya veschej. Sbornik statej / pod red. V. Vahstajna. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya buduschego», 2006. S. 169–198.
14. *Latur B.* Peresobiraya social'noe. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu // `Ekonomicheskaya sociologiya. 2013. T. 14, № 2. S. 73–87. – URL: <http://www.ecsoc.hse.ru> <<http://www.ecsoc.hse.ru>>, 20.12.2013 g.
15. *Knorr-Cetina K.* Social'nost' i ob`ekty. Social'nye otnosheniya v postsocial'nyh obschestvah znaniya // Sociologiya veschej: Sbornik statej / pod red. V. Vahstajna. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya buduschego», 2006. S. 267–277.
16. *Interv'yu s Karin Knorr-Cetinoj* // `Ekonomicheskaya sociologiya. T. 12, № 2. C. 8–20. – URL: <http://www.ecsoc.hse.ru>, 10.01.2014 g.

17. *Pickering A.* The Mangle of Practice: Agence and Emergence in the Sociology of Science // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 99, №. 3. R. 559-589. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2781283>, 13.10.2013 g.
18. *Teveno L.* Pragmatika poznaniya // Sociologicheskij zhurnal. 2006. № 1/2. С. 5–34.
19. *Harhordin O.V.* Kuda idet teoriya praktik: povorot v material'nosti // Sociologicheskie issledovaniya. 2012. № 11. S. 20–35.
20. *Stolyarova O.E.* Istoricheskij kontekst nauki: material'naya kul'tura i ontologiya // `Epistemologiya & filosofiya nauki. 2011. T. XXX, № 4. S. 32–49.
21. *Markova L.A.* Na puti k novej ontologii v filosofii nauki // Voprosy filosofii. 2013. № 11. S. 40–49.